

Глава 5. Уянь

Когда над Облачной деревней шел дождь, влага буквально зависала в воздухе, а к ночи сгущалась в клубы плотного, тяжелого тумана. В тусклом свете уличных фонарей колыхались зыбкие, пугающие тени.

Ворота поместья Цянь, вопреки непогоде, были распахнуты настежь. Несколько служанок и слуг выбежали под ливень; они отчаянно стучали во все двери лекарей на главной улице.

— Лекарь Чжао! Сделайте милость, спасите нашего маленького господина! Старый хозяин заплатит любые деньги, сколько ни попросите! Откройте дверь! Умоляю, откройте!

Слуга иступленно колотил в деревянную дверь. Дождь хлестал по спине и рукам, выбивая из тела последние крупцы тепла; пальцы онемели, а губы посинели от холода. В конце концов, обессилив, он упал на колени прямо в грязь перед порогом лавки Чжао. Но ответом ему был лишь безучастный шум затяжного осеннего ливня.

Он уже собирался подняться и уйти, когда дверь со скрипом приоткрылась. Слуга с надеждой подался вперед:

— Лекарь Чжао!..

Однако на пороге показался вовсе не целитель, а его жена — холеная, склонная к полноте женщина лет сорока. Она злобно скривилась. Не говоря ни слова, она с силой пнула слугу в бедро, заставив того отшатнуться на несколько шагов.

— Чего орешь посреди ночи, как оглашенный? — зло прошипела она. — В Облачной деревне и так беспокойно, кто в здравом уме пойдет куда-то в потемках? А ну проваливай!

Слуга снова придвинулся к ней и в отчаянии схватил госпожу Чжао за левое запястье:

— Госпожа, умоляю, передайте лекарю Чжао! На кону человеческая жизнь!

Ледяная дождевая вода брызнула на холеную руку госпожи Чжао. Взвизгнув от отвращения, она замахнулась и наотмашь влепила слуге звонкую пощечину:

— Убери свои грязные лапы! Тоже мне, жизнь! Кто знает, какую заразу подцепил ваш щенок? Тут и сам Небесный владыка не поможет. Не тратили бы время попусту, а шли готовить гроб!

Деревянные створки с грохотом захлонулись. Ливень хлынул с новой силой. Онемев от обиды и боли, избитый слуга побрел обратно, прижимая ладонь к распухающей щеке и сильно прихрамывая.

У ворот поместья взволнованно расхаживал господин Цянь. Всего несколько дней назад он отпраздновал семидесятилетие. Гости тогда наперебой хвалили его крепкое здоровье и прочили долгие годы жизни. Но за эти короткие дни старик страшно осунулся, а лицо его покрыла серая, землистая бледность, которую невозможно было скрыть.

Завидев вернувшегося слугу, он забыл про зонт, сбежал по ступеням крыльца и дрожащими руками схватил того за плечи:

— Ну что? Ну как?

Слуга низко опустил голову и после долгого, тягостного молчания выдавил:

— Хозяин... Лекарь Чжао отказался идти.

Лекарь Чжао слыл лучшим целителем в округе. Раз уж он отказался помочь, надеяться больше не на кого. У господина Цяня подкосились ноги. Подхваченный слугой, он лишь бессильно махнул высохшей рукой и, опираясь на трость, медленно побрел в дом. Едва он переступил порог, навстречу выбежала перепуганная служанка. Сквозь рыдания она едва проговорила:

— Господин... Маленький господин... угасает!

Старик бросился в спальню. На постели лежал маленький Минь-эр. Его личико посинело, тело содрогалось от озноба; мальчик давно потерял сознание и дышал через раз, цепляясь за жизнь лишь чудом. Господин Цянь в ярости стукнул тростью о пол:

— Что стоите?! Ищите другого лекаря! Бегите во все лопатки! Спасите моего внука... спасите его...

У старика перехватило дыхание, когда он взглянул на хрупкую фигурку в постели. Он с трудом сдерживал беззвучные слезы.

— Господин...

— Раз лекари бессильны, зовите даосов! Проводите ритуалы! Делайте что угодно! Он не должен умереть... Слышите? Я не позволю ему умереть!

Снаружи бушевала гроза. Потоки воды, соединяя небо с землей, глухой стеной отрезали поместье от внешнего мира. Никто не двинулся с места. В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь редкими всхлипываниями служанок.

— Господин... — этот тихий, дрожащий голос прозвучал как погребальный звон.

Силы окончательно оставили старика. Опершись о дверной косяк, он закинул голову и в отчаянии закричал в пустоту:

— За что?! Господи, за что нам это?!

Наутро над Облачной деревней наконец показалось солнце. Его лучи с трудом пробивались сквозь остатки тумана, но тепло рассвета не могло проникнуть за ворота поместья Цянь.

Дом погрузился в траур — все от мала до велика облачились в белые одежды. Маленького Минь-эра уже обрядили к погребению. Он лежал в крошечном деревянном гробу. Сегодня надлежало отслужить заупокойную службу, а завтра — предать бездыханное тело земле.

С наступлением темноты ветер лениво закачал белые фонари у входа в поместье. Служанки, приставленные караулить гроб, клевали носом, но внезапный порыв сквозняка мгновенно стряхнул с них дремоту.

Свечи у гроба оплывали, роняя тяжелые капли воска на медные подсвечники. За порогом завывало. Ветер ворвался в траурный зал, закружив хлопья пепла и ритуальные бумажные деньги. Одна из девушек поднялась, чтобы прикрыть створку двери, но замерла.

С улицы, сквозь завывание ветра, донесся мерный перезвон колокольчика, сопровождаемый неторопливыми шагами: цок... цок...

А мгновение спустя из темноты пролился чистый, печальный напев:

«В древнем селении, скрытом туманом,

Путник у двери затеет игру.

Смертным неведомы горечь и раны —

Душу забрать, чтоб спасти сироту».

Этот голос — чистый, протяжный и невыносимо тоскливый — легко преодолел ночной ветер и проник в самые дальние уголки поместья.

Звон приближался. С каждым шагом ночного гостя колокольчик на его поясе отзывался тройным переливом.

Песнь повторилась трижды, после чего шаги и звон оборвались. Прежде чем перепуганные слуги успели опомниться, на пороге вырос силуэт.

Господин Цянь поднял глаза. Перед ним стоял юноша в просторном одеянии цвета лунного сияния. На его поясе покоился серебряный Тройной Колокольчик, а тонкие, благородные черты лица выдавали в нем совершенствующегося даоса.

— Кто вы?.. — прошептал старик.

— Я пришел спасти жизнь.

В глазах господина Цяня сомнение мгновенно сменилось лихорадочным блеском. Он торопливо отступил в сторону, освобождая проход. Даос шагнул через порог, и колокольчик на его поясе тихо запел в лад неспешным шагам. Подойдя к детскому гробу, юноша бесстрастно взглянул на усопшего, а затем негромко произнес:

— Принесите пиалу чистой воды.

Служанка поспешно поднесла требуемое. Даос взял пиалу, зажег бумажный талисман и опустил его в воду в самый миг угасания пламени. Тотчас же он повторил это действие снова и снова, пока в той же воде один за другим не истлели ровно десять талисманов.

Когда пепел осел на дно густой взвесью, даос слил лишнюю воду себе на ладонь, аккуратно собрал влажную кашицу кончиками пальцев и провел ею быструю горизонтальную черту на лбу ребенка. Затем, не отрывая руки, прочертил вертикальную линию вниз — через переносицу, губы и до самого подбородка.

Он едва заметно усмехнулся. Он негромко выдохнул:

— Очнись.

И едва сорвалось это слово, как дитя в гробу распахнуло глаза.

Присутствующие так и ахнули от радости. Господин Цянь бросился к гробу, протягивая руки к внуку, но на полпути его пальцы замерли в воздухе.

Мальчик лежал с широко открытыми глазами, однако лицо его, густо покрытое белилами, с ярко-красной точкой на губах, выглядело жутко. В Облачной деревне существовал старинный обычай: безвременно ушедших детей гримировали под вестников смерти учан — считалось, что так подземные стражи примут их за своих и беспрепятственно проведут по загробным тропам.

Сейчас же этот наряженный мертвец смотрел перед собой стеклянным, немигающим взглядом. Он не походил на живого — скорее на жуткую куклу, призванную служить подземным духам.

— Даос... что же это? — пролепетал господин Цянь, растерянно топчась у гроба. В его облике смешались безумная надежда и страх.

— Не спешите, почтенный, — с мягкой улыбкой ответил гость. — Глаза его открылись, но жизнь в это тело еще не вернулась.

— Что же нужно сделать, чтобы он ожил?

— Обменять душу.

Семья Цянь всю жизнь занималась лишь торговлей и никогда не ведала тайн бессмертных. Услышав об обмене душами, старик смертельно побледнел. Он затравленно огляделся по сторонам, но верные прежде слуги и служанки тут же опустили глаза. Никто не посмел встретиться с ним взглядом.

— Наша семья кормила вас столько лет! — старик в гневе ударил тростью о половицы, указывая на дрожащую челядь. — И среди вас не найдется никого, кто готов отплатить за доброту?!

— В этом нет нужды, — вмешался даос. — Ребенку от силы года три. Если попытаться переселить в этот хрупкий сосуд душу взрослого, тело попросту не выдержит и разрушится. Нам нужен ребенок того же возраста.

— Того же возраста... — потрясенно прошептал старик Цянь, и робкая радость уступила место глубокой скорби. — Но наша деревня — глухой, богом забытый угол. В последние годы девушки боятся выходить сюда замуж, многие семьи и вовсе уехали. На все селение едва сыщется пара молодых супругов, откуда же здесь взяться трехлетнему малютке?..

— Почтенный хозяин, есть такой ребенок в нашей деревне.

Старик резко обернулся. Говорил слуга, стоявший у стены. Левая половина его лица уродливо распухла, наливаясь багровым синяком. Старый Цянь сразу вспомнил его — именно этот несчастный прошлой ночью вернулся последним от лекаря Чжао. Его лицо хранило след жестокой пощечины от жены лекаря, а на ноге сквозь порванную ткань штанины виднелся темный след от чужого пинка.

— Вы позабыли, хозяин? У нашего лекаря Чжао сын родился на склоне лет. Его супруге уже за сорок, а их единственному мальчику как раз исполнилось три года! — Слуга смотрел с дикой, мстительной жадью, острием направленной прямо на господина.

Старый Цянь на мгновение растерялся, силясь вспомнить.

— Верно... Верно, у Чжао действительно растет сынишка.

Он поднял глаза и натолкнулся на пристальный взгляд даоса. Сглотнув подступивший к горлу ком страха, старик тихо спросил:

— Но... мастер, что станет с тем несчастным дитя после обмена душами?

Даос ответил не сразу. Его тонкий палец указал на лежащего в деревянном ящике мальчика:

— Он станет таким.

Точно таким же. Безжизненный взгляд, запертый в онемевшем теле. Кукла, не способная ни двигаться, ни говорить. Живой труп.

Стариком овладел первобытный ужас. Пусть он не знал законов магии, но разум обычного человека подсказывал ему страшную истину: чтобы воскресить его внука, придется хладнокровно погубить чужого ребенка.

В глубине души господин Цянь оставался человеком совестливым и праведным — сама мысль о подобном злодеянии вызывала у него отторжение. Но стоило ему перевести взгляд на крошечное тельце в гробу, как сердце вновь заходило от невыносимой боли. За что небеса карают его род? Какое страшное преступление совершила их семья, раз на нее обрушилось такое проклятие?

Ночь прошла в бесплодных терзаниях.

На следующее утро, когда старик еще лежал в постели, в дверь его спальни торопливо постучали. Не дожидаясь ответа, вошедший нетерпеливо распахнул створки. Он выглядел изможденным после долгой дороги, его дорожное платье потемнело от утренней росы.

— Отец! Как Минь-эр?! — Говоривший был единственным сыном старика, Цянь Чжихуном — отцом несчастного ребенка. Уехав в Цзянбэй по торговым делам, он получил известие о смертельной болезни сына и, бросив все, мчался обратно без отдыха всю ночь.

Он опустился на колени перед постелью отца, заглядывая тому в лицо с отчаянной мольбой:

— Я слышал, в поместье явился почтенный даос, способный вернуть Минь-эра к жизни! Почему ты до сих пор не дал согласия, отец?!

Господин Цянь набросил на плечи халат и тяжело вздохнул:

— Чжихун... Сын мой, ведаешь ли ты, какую цену требует этот мастер за спасение?

— Знаю! Он совершит обмен душами! И мне уже нашептали, что у лекаря Чжао как раз подрастает трехлетний сын! — Чжихун просиял от дикой радости. Всю дорогу его преследовали мрачные вести, он боялся, что не успеет застать сына в живых. И тут — такое чудо! Настоящий бессмертный мастер, готовый сотворить невозможное!

— Раз ты все знаешь, как у тебя язык поворачивается просить об этом?! — возмутился старик.
— Это же чистое убийство! Неслыханное злодеяние!

— Какое еще злодеяние?! — вскипел Чжихун, резко поднимаясь с колен. — Будь на их месте другие люди, я бы смолчал! Но этот проклятый Чжао хладнокровно обрек моего мальчика на гибель! Мои люди ползали перед ними на коленях, моля о пощаде! И что мы получили взамен?! Побои и издевательства его безумной бабы! Они смотрели, как умирает мой сын, и палец о палец не ударили! Чем они лучше убийц?!

Он круто развернулся к выходу:

— Я сейчас же прикажу даосу начать ритуал. Наш Минь-эр вернется сегодня же!

— Сын! Постой! Не делай этого, кара небесная падет на наши головы! — в панике закричал старый Цянь.

Он попытался вскочить и побежать следом, но дряхлые ноги подвели его. Прежде чем старик успел доковылять до порога, дверь перед его носом захлопнулась, и снаружи со щелчком повернулся тяжелый замок.

<http://bllate.org/book/20436/2130853>